
Владимир Лидский

Золотая рыба

Рассказ

...но в гробу я его не видел, отчего степень моей скорби нельзя измерить, да и было бы что мерить! вообще скорби не испытал я, узнав о кончине отчима, отошедшего в мир иной в полном и безоговорочном одиночестве, — и кто хоронил его — не знаю, ибо мне было фиолетово все, связанное с человеком, прошедшим по моей жизни равнодушно и грубо, и когда мать сказала: *он умер*, я сразу понял, о ком речь, угрюмо ответив: все там будем... и вот он ушел, оставив по себе недобрую память, тревожащую теперь все чаще, поскольку я сам все ближе к черте, за которой *ничто*, — кроме встречи, разумеется, с ним, — я встречу его, без сомнений... увижу, но сделаю вид, будто мы не знаем друг друга, — что, впрочем, будет легко: я изменился за годы, и уж ничего во мне от подростка; Боженька сдал меня миру, наделив тонкой кожей, наивным взглядом и незрелым умом, но я спорил с Ним, закаляя шкуру в суровых ветрах, и теперь меня трудно узнать: циник и пофигист, я принимаю черновики Бога, не критикуя, не возмущаясь, но и не отчаиваясь; отчим был человек прямой и прямолинейный, суровый, бескомпромиссный, любить его было трудно, а может, вообще нельзя, — я и не любил, я терпел; у него была страсть к подначкам, которые я стоически сносил, потому что парировать не мог, а он, пользуясь моей подростковой робостью, не стеснялся в средствах, и это было, разумеется, психологической пыткой; сейчас-то меня, понятно, таким червем не возьмешь, а тогда... он носил червей моей золотой рыбке Глаше, прекрасной вуалехвостой рыбке, полностью разделявшей мои представления о мире, — я ее любил, а отчима, кормившего ее и меня, — не любил, и отчим, Радий Викторович, спинным мозгом чуял это, поглядывая иной раз на меня с неопределенной настороженностью, тревогой, опаской; я знал ему цену и хорошо чувствовал его гнильцу, которую можно было списать на душевную болезнь, а кто ж знал, что у него болезнь! я думал: плохой человек, опасный человек — мучает маму, меня, Глашу, не давая ей червей, а Глаша любила червей — мелких, тонких — и гонялась за ними, ежели они случались в аквариуме по воле всемогущего отчима... для меня Глаша была золотая рыбка, для него — рыба, и он это вскоре доказал, но месяц шел за месяцем, и до трагедии было время, которое он использовал для новых пыток:

Владимир Лидский (Михайлов Владимир Леонидович) родился в 1957 году в Москве. Окончил ВГИК, сценарно-киноведческий факультет. Поэт, прозаик, драматург, историк кино. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», сборников стихов «Семицветье» и «По ту сторону зеркала», нескольких киноведческих книг. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый журнал» и др. Член Союза кинематографистов Кыргызской Республики. Живет в Бишкеке. Предыдущая публикация в «ДН» — повесть «Герновник» (2019, № 4).

устраивая по ночам скандалы, он, как вампир, пил кровь из мамы, — я спал на кухоньке и через тонкую стену вынужден был слушать счастливые откровения: пора разводиться, — говорила мама; слава богу, у нас нет детей, — говорил отчим; а я рада была бы от тебя родить, — говорила мама; еще чего, ублюдков рожать! — говорил отчим; это от меня-то ублюдков? — говорила мама; от кого же еще? — говорил отчим... и так далее, — а я слушал, что называется, воленс-неволенс, и, зарывшись в подушку, тихо плакал и засыпал в конце концов в мокрой подушке... кого рожать? — думал я, — кого рожать, кого рожать? ублюдков рожать! и самое слово это, грубое, дерзкое, оскорбительное повергало меня в отчаяние, ведь это я, стало быть, рожденный мамой, был недочеловек, выродок, тумак, и вот почему казался я отчиму пустым местом, а он, как и природный радий, был чрезвычайно редким и столь же токсичным, более того: про его смерть узнал я, что он бессмертен, ибо опасный радий имеет, оказывается, атомное число восемьдесят восемь... две восьмерки, две бесконечности! нет спасения от него, даже в космосе станет он тянуться ко мне! что, что он сделал вообще и как повлиял на мир? готовил кроликов для житья на Марсе, играл в шашки, всякий раз злорадным ехидством сопровождая мой очевидный проигрыш в то время, как я терялся, не в силах понять бессмысленность подобного унижения... что еще? а! ездили за грибами, было дело: он сыскал пять-шесть грибов, а я — целую корзину, — так надо ж присвоить плоды чужих трудов, — он просто свалил в общую кучу грибы и предъявил их потом маме как совместное *итого*... сказки читать запрещал... что может быть полезного в этих сказках! потому и Глаша носила у нас гордое звание прозаической *рыбы* — не сказка, не красота, не волшебный промельк перламутровых плавников, не рубины смысленных глаз, а кусок мяса с костями! он легко доказал свою правоту, когда я вступился за маму в миг обострения его *шизз*: он поднял руку, может быть, и не собираясь бить, но жест был красноречив, — он поднял руку и сделал замах, он поднял руку, оскалившись, и в глазах его мелькнула первобытная, какая-то обезьянья злоба, он поднял руку и... я шагнул... левая рука его тоже двинулась и стала на уровень моего лица... я шагнул и... укусил его, попав в запястье! он взвыл и, схватив меня за рубашку, повлек на кухню, где, грохоча, извлек из духовки сковороду и водрузил ее на плиту... сковородка уже чадила, когда он, выйдя из кухни, вернулся в комнату и сунул укушенную ручищу в аквариум, я думал — утишить боль, но он, сделав несколько судорожных движений и расплескав воду, схватил Глашу, зажал ее в кулаке и понес на кухню... капли сопровождали его шаги... я в ужасе наблюдал: подойдя к плите, он швырнул Глашу в адское пекло сковороды! я завопил! моя рыбка, мое сокровище, мой драгоценный слиток! она прыгала в раскаленном масле, а я ничего не мог сделать; Глаша осунулась, почернела и умерла; Радий Викторович торжественно взял ее за обугленный хвост, поднял и положил в рот... по смерти буду помнить чудовищный хруст ее нежных костей, сгоревших плавников и — запачканные губы отчима... он меня не узнает, ежели мы свидимся с ним в преддверии ада, — я уже прозреваю встречу: он сидит возле лохани с рыбой и, давясь, жрет ее, а мелкие бесы подносят и подносят новую рыбу — все время бытия станет он поедать рыбу, до скончания веков, до гибели Вселенной, до полной и безоговорочной тьмы, до окончательной, не подлежащей искоренению пустоты — людей не будет, мира не будет, цивилизации канут, а он — останется! среди пустоты и во тьме будет жрать чертову рыбу ежедневно, ежечасно, ежеминутно, бессрочно, а я... мне остается только злорадствовать, да, — злорадствовать, и этого я боюсь в себе более всего...